

Владимир ВАСИЛЬЕВ

ПРОСТИ ИМ...

Фантастическая повесть

Васильев Владимир Германович (псевдоним Василид 2) родился в 1948 году в городе Рыбинске. Писатель, поэт, член Союза писателей Узбекистана. Публиковал свои произведения в журналах «Звезда Востока», «Нева», «Знамя», «Полдень. XXI век», «Экономика и жизнь», «Молодая смена», «Народ и демократия», «Человек и политика», «Корреспондент». Отдельным изданием вышли книги «Легенда о серебряном человеке», «Листья травы», «Магический треугольник», «Операция „Биомен“», «Зона молчания».

Васильев автор поэтических сборников «Полет стрелы», «Встреча»; лауреат премии «Интерпресскон-91». Финалист Международного конкурса пародистов памяти Александра Иванова. Кандидат технических наук. Живет в Ташкенте.

*Опубликовано в журнале:
«Звезда Востока» 2012, №2*

*Негоже людям смешивать миры,
Которые вовек несовместимы.
Случайный сбой божественной игры
О, Боже всепрощающий, прости им!..*

– Леноша! Елена! Елена Владимировна! Шеф, блин горелый, но... очень вкусный! Ты в своем уме?

– Пока что да, мой Ромео! – с максимумом иронии в голосе пролепетала я.

Этот Ромка несносен! Мало того, что соблазнил свою шефиню, то бишь меня, на целых пять лет старше его, так еще и пытается диктовать мне условия научного эксперимента! Моего эксперимента!.. Ну ладно, нашего! Но кто в этом доме хозяин?..

– Куда ты лезешь? Это я должен! – все еще пытался он сопротивляться. Но я-то предвидела результат.

– Мужчина должен защищать свою женщину, – насколько могла обаятельно напомнила я. – Ты и будешь защищать меня. Я очень надеюсь на тебя, Рома...

Я знала, что против этого аргумента он не сможет устоять.

Ах, мужчины, как вы наивны...

* * *

Заледеневшие деревья тихо позвякивали и потрескивали голыми ветвями. Недавно прошел «ледяной» дождь. Должно быть холодно, но я этого не ощущала... не ощущал... На склеротических узловатых пальцах корней, вцепившихся в мерзлую почву, скрючилось мертвое тело мужчины средних лет с перерезанным горлом. А кто я? Ворона на ветвях? Или воробей?.. И вдруг стало ясно: я – последняя горькая усмешка, вырвавшаяся из уже безмолвно хохочущего горла. Я – его дух. Потому и не реагируют ветви на мое присутствие, ибо бесплотен. Но не бесчувствен! И вижу, и слышу, и обоняю, и температуру воздуха знаю – минус десять по Цельсию. Только холодно мне не от температуры, а от жалости к тому, кто потерял меня. И к тем, кто потерял его...

Убийца ушел недалеко. Пробирался, довольный собой, по горной тропе, начинавшейся метрах в ста от лощинки, где остался труп. Шел, приплясывая, благо тропа была хорошо знакома. Я ощущал его ликование, как птица – восходящие потоки воздуха, но мне был неприятен всплеск таких эмоций. Возможно, потому что еще недавно я был духом убитого? Не без того, но я знал, что дело не только и не столько в этом. Эти чувства были чужды мне, не находя отклика среди множества моих собственных частот. Но не воспринимать их я не мог, ибо воспринимал все.

Например, я чувствовал, как в тревоге сжимается сердце девушки, из-за которой меня (его?) убили. Она ничего не знала точно (если б знала – вмешалась бы), но чуяла недоброе. Я попробовал накрыть ее золотым дождем своей любви – она даже улыбнулась, вспомнив о светлых наших минутах, но ненадолго – тревога пересилила. Сам я и был источником ее тревоги – от меня к ней тянулся серебряный лучик, постепенно темнеющий.

Чуял я, что и мама тоскливо поглядывает на дорогу, и холодный озноб временами изнутри пробегает по ее спине.

– Эй! – попытался я предупредить убийцу, который занес танцующую ногу над покрытой каменной крошкой ледышкой.

Но он не услышал меня. Дух был глух. Потому что на других частотах работал. С ограниченным доступом к информации.

Расплата была штрих-пунктирной: шмяк об камень – точка, полет в пропасть – тире, шмяк о скалы внизу – точка... И окончательное для него тире – можно читать и как минус.

А я обнаружил рядом брата по информационно-волновой жизни. Ошеломленного неожиданным освобождением и еще не сориентировавшегося в пространстве бытия.

Мне пришлось срочно принять образ его недавно поверженного врага-соперника.

– Ты? – удивился он, рефлекторно принимая свой, пару мгновений назад живой облик. При этом, разумеется, никто из живых нас наблюдать не мог – не по Сеньке шапка.

– Я... – изобразил я усмешку, не растеряв еще человеческих умений. Впрочем, дух ничего не теряет. Архив бытия, так сказать.

– Живой? – разочарованно удивился он.

– Скорее, бессмертный, – хмыкнул я вполне по-человечески.

Он внимательно посмотрел на меня, потом – на мой труп, следом с опаской – на свой, живописно раздрызганный на дне пропасти.

– Стало быть, – наконец, осознал он, – я теперь тоже... бессмертный. Тогда зачем было все это? – повел он виртуальной головой в сторону оставленного мира, который временами тоже смотрелся довольно виртуально, потому что воспринимался нами уже в гораздо более обширном частотном диапазоне, смертельно опасном для живых биоструктур. Человечество даже теоретически помыслить существование таких частот в реальном мире не могло. Что за реальность, где пространство стремится к нулю, а время к бесконечности? Как, вообще, такое можно помыслить, а тем более измерить? Пространство порождает время, а время – пространство. Они – как электрическое и магнитное поля в поле электромагнитном. И все же считают, что емкость может быть равна нулю, то есть существует лишь магнитная компонента единого поля, или индуктивность может быть равна нулю, а, стало быть, есть только электрическое поле. Идеализация реальности. Вот в диапазоне подобных идеализаций для времени и пространства мы с моим полевым коллегой, бывшим врагом, и существовали. То бишь могли или пространство свести к бесконечно малой величине, или время. Открывающиеся возможности моделируйте сами.

Он помолчал и кивнул сам себе, поняв, зачем...

– А вот тут, Леноша, ты, мне кажется, неправа, – донесся до меня голос Ромы.

Какая, к черту, Леноша? Я же... А ведь он прав! Из наблюдаемой реальности начала фокусироваться молодая женщина на лежанке. Вроде бы она была голой, но всякого рода датчики, как прикрепленные к телу, так и нависающие над ним настолько густо занимали пространство вокруг, что ее вполне можно было назвать и одетой.

И мой дух осознал, что ему подопечен не только парень, чей труп лежит сейчас на корнях дерева, но и эта женщина, которая вполне жива. А как только осознал, все и вспомнил (вспомнила?): и эксперимент по гипнорегрессии, и свою роль регрессируемой в нем, и то, что Рома как ведущий эксперимент вполне имел право и даже был обязан общаться с духом. Нет, он общался со мной, находящейся в состоянии наведенного гипноза, но я-то из этого состояния знала, с кем он общается, на самом деле. Или не на самом деле? На этот вопрос и должен был ответить эксперимент. Гипнорегрессия – это соприкосновение с реальным прошлым или психическое воплощение желаемого или предполагаемого? Или даже продиктованного гипнотизером?

– В чем я не права, Ромео?

Я так называла его, когда хотела поиздеваться. Не злобы ради, а чтобы поставить на место.

– А в том, что «никто из живых нас наблюдать не мог». Я же наблюдаю все, что с тобой происходит. Вернее, с той структурой, которую ты называешь духом.

– Ученый, а такие глупости говоришь, – пожурила я коллегу. – Ты видишь и слышишь то, что техника перевела в доступный тебе диапазон, то, что способен воспринимать, плюс адаптированное к твоему восприятию то, что доступно технике. А ей доступно очень немного. Я в полной мере поняла это только сейчас.

– Но каким-то образом этот дух-многостаночник общается с твоей душой, находящейся в твоём теле! Если бы ее там не было, ты умерла бы! Да и аппаратура считывает информацию с тебя.

– Да, он со мной общается, но не я с ним, – подтвердила я свои ощущения. – У него больше для этого возможностей и умения. Ширина спектра доступных частот не отвергает узкой полосы для общения с живой душой. С душой, пребывающей в живом теле. Кстати, аппаратура считывает информацию из пространства. Часть коего занимаю я.

Духу это было ясно а priori, а бормотала я для себя и Ромео. Впрочем, приборы фиксировали все частоты и, возможно, потом мы определим частоту общения вечного со смертным. А пока нанодатчики внутри тела и датчики вне него фиксировали все, что могли зафиксировать. В том числе, и источник информации о существовании духа. Если он был в моем женском сознании, то все эти жизни после смерти – фантазии психики, а если ко мне это видение пришло извне, то есть надежда, что оно и, правда, вне.

Эксперимент предполагал углубление в «мир иной», потому аппаратура помогала зову из неизвестности. Это можно было интерпретировать и как пинок под зад, и как похлопывание по спине. Впрочем, спина уже исчезла, и дух имел вполне волновое воплощение. Мой коллега-собрат по несчастью и бессмертию тоже бликовал неподалеку.

– До встречи! – двинулся я в направлении пинка.

– Как бездарно профукано, – ответил он и двинулся своим путем.

Если быть точным, то я свернул пространство к нулю, и времени у меня стало невпроворот. То есть все время существования духа из дискретного перешло в непрерывное, и он, то есть я, мог осознать себя как вечное существо. Это тоже надо было уметь – быть всеми и всегда. И женщинами, и мужчинами, коим несть числа, и ящеркой, и медузой, и драконом, и птицей, и деревом, и травой, и планетой, и галактикой – всем этим сущностям тоже несть числа. И дух был ими всеми сразу. Потому что был точкой свернутого пространства в бесконечном времени. В матрице событий, в нем существовавшей.

А если сжать в точку время?..

Экран заполнил типичный «белый шум», то есть бессмысленное мельтешение сигналов. То ли нашей аппаратуре не удавалось расшифровать то, что поступало на вход, то ли это самое мельтешение происходило и в мозгу моей Леноши?

– Леноша, ау-у-у!..

Прошли сутки... Медики сменились. Провели контроль состояния – никаких проблем по их части. Для чистоты эксперимента я включил глушилки, экранирующие помещение, которые были предусмотрены при постановке задачи. Путать наводки с полезным сигналом мы не собирались. Обнаруженные нетипичные сигналы не исчезли и вовсе никак

не прореагировали на глушилки. Это значило, что источник находится не вне нашего помещения, а внутри него. Возможно, это именно то, что мы искали? А что мы искали? Ответ на сакраментальный и даже неприличный в авторитетной научной компании вопрос: есть ли жизнь после смерти тела? Всякие гипнорегрессоры-писатели задолбали своими «свидетельствами» от пациентов.

И что мы имеем? А то, что Леноша на самом деле пережила нечто, связанное со смертью. Слава богу, не с ее смертью. Слишком похоже на информацию от гипнорегрессоров. Это может быть и порождением психики, извлечшей из памяти прочитанное в книгах гипнотизеров, и действительным воспоминанием, всплывшим из... А кто ж его знает, откуда оно всплыло, из каких архивов? Но до чего же это выглядело реалистично! Молодцы мы, что умеем не только слышать пересказ пациента, но и видеть то, что видит он! Вот только теперь перекрыли смотрелку-то...

Отвернувшись от нынешнего экранного «белого шума», я вглядывался в запись того, что видело «вечное существо». Оно это умело – быть всеми и всегда, а я не умел, и поэтому в голове моей мутилось, кружилось и качалось одновременно. Оно при этом и ощущало соответственно, а мне таких ощущений не дано. Смертный вечному не товарищ...

А на что же мы тогда рассчитывали? Ну, во-первых, на сам факт обнаружения или не обнаружения. Во-вторых, на то, что...

Я посмотрел на Лену. У нее было лицо глубоко задумавшегося человека.

Да никаких «во-вторых» не было, потому что мы даже гипотетически не предполагали столкнуться с «вечным существом». Ну, дух, душа и прочие сущности подобного класса предполагались, но ожидалось, что это будет нечто гораздо более простое, типа «архива» реальной жизни. А вот о свертке пространства или времени мы даже гипотетически не думали. Что такое пространство и время – вселенские сущности или атрибуты, и что рядом с ними душа – абстракция, философско-поэтическая метафора? Ну, были гипотезы об ее устойчивой волновой полевой структуре. Однако сие совершенно не подразумевало, что такая структурочка способна замахиваться на основы бытия. Так, может быть, все это – только слова, субъективные иллюзии? Но я же сам видел и вижу – голова циркулем танцует. Мало ли от чего она танцевать может?

На вторые сутки, несмотря на идеальные показания приборов, медики забеспокоились – с пищей еще можно было потерпеть, но без воды организму долго не протянуть. Она же почти двое суток не пьет! Хотя и

никаких выделений организма не наблюдается. Эксперимент на такой срок рассчитан не был. Предполагалось, что, в крайнем случае, за несколько часов все будет завершено. Возможно, я как руководитель эксперимента давно должен был его прервать? Но странное поведение аппаратуры настораживало меня чрезвычайно – я не мог решиться, боясь разрушить то, что восстановить буду не в силах.

Они принесли капельницу и поилку. Закопошились, забормотали вокруг, оттеснив меня. Медсестра попыталась подsunуть руку под голову Леноши, чтобы приподнять ее чуть, и поднесла к губам поилку. Но ни рука, ни поилка не смогли приблизиться к цели.

– Что за черт! – возмутилась медсестра неожиданному препятствию. Поилка скользнула по невидимой твердой поверхности в нескольких миллиметрах от лица Лены, и немного воды пролилось. Струйка скользнула по щеке и затерялась на подушке. А рука медсестры так на подушке и осталась, не сумев проникнуть под затылок.

Попытка иглой капельницы проникнуть сквозь преграду также потерпела крах – погнулась иголка и повторно чертыхнулась медсестра. Повернулась ко мне и возмущенно спросила:

– Это что такое?!

Будто я все это организовал. Бедную женщину можно понять – она хотела помочь, а тут какая-то чертовщина.

– Черепаха может в панцире укрыться, моллюск – в раковине, а человеку куда деваться? – ответил я.

– Человеку врача слушать надо, а не в раковину прятаться! – с полной уверенностью в своей правоте заявила медсестра.

– Получается, что надо верить датчикам, а не своим привычкам, – прокомментировал присутствовавший при этом врач. – Этот пациент явно не нуждается в нашей помощи. Хотя я не могу понять, почему. А вы? – обратился он ко мне.

– Возможно, потому, что она сжала в точку время, – пожав плечами, ответил я.

– И что это значит? – поморщился он.

– Вот, видимо, это и значит, – махнул я рукой на Елену, без дураков и преувеличений Прекрасную. Она была словно бы подсвеченной изнутри.

– Да, – кивнул доктор, – она прекрасно выглядит. – Идем, мать... Тереза.

И они очень по-семейному удалились в свой отсек. Фамилия медсестры и, впрямь, была Терезина.

А я уже не сомневался в том, что сказал. Леноша нашла способ дать мне понять, что происходит.

Прошло еще двое суток. Я оброс, потому что не хотел отлучаться от Лены – я же на посту, и должен оберегать ее от всяких зловредных случайностей. Еду мне приносили. Туалет был предусмотрен рядом.

А Леноша по-прежнему цвела. И аппаратура это подтверждала.

Через неделю за бороду мою уже можно было, если постараться, дергать. Я старался, потому что больше ничем заниматься не мог.

На восьмой день меня ознакомили с решением Ученого Совета о прекращении эксперимента в связи с его бессмысленностью и опасностью для здоровья участника.

Я ответил, что только через мой труп. Мне гарантировали, что с этим никаких проблем не будет. Когда пришла комиссия по отключению, то на территорию, отведенную для эксперимента, войти не смогла. Хотя двери были открыты. Они кричали и требовали прекратить безобразие. Я пожимал плечами. Потому что и сам не понимал происходящего. Вернее, догадывался, зная Ленку, но, как сие вершится, понятия не имел.

– Мы отключим питание! – пригрозила комиссия.

И попыталась. К трансформатору, питающему институт, подойти они не смогли. Я в окно видел.

– Мы же с голоду помрем! – догадалась «мать Тереза» и вышла в дверь совершенно свободно, чем была искренне удивлена. Но обратно вернуться не смогла. За ней потянулись остальные. К концу дня мы остались вдвоем. Особо негативных эмоций по этому поводу я не испытал – фактически мы и так были вдвоем.

Я приготовился ждать ее еще тридцать лет и три года, не очень хорошо понимая, как продержаться без еды – ведь сам видел, что двери с той стороны ничего не пропускают. Однако к вечеру парень в камуфляже подкатил к дверям столик на колесиках и протолкнул его ко мне. Сам пройти не смог, распластавшись по невидимой поверхности. Матюгнулся и отступил назад.

Было вкусно. Но я не злоупотреблял, решив сэкономить провиант – вдруг дверь пропускать перестанет, или решат, что кормить меня не стоит. Хлебушко да печенье отложил на черный день или на светлую ночь. Ночью зверский аппетит просыпается, хотя ему спать положено. Видать, я родом из ночных хищников. В какой-то из прошлых жизней. Похоже, что они таки были... эти прошлые... Леноша вернется – объяснит.

– Ау! Давай уж, Ленош, возвращайся... Или все-таки – тридцать лет и три года?

И тут белое мельтешение на экране сменилось сплошным ярким пятном, осветившим темное помещение, как прожектор – света я не зажигал, а было уже около трех ночи.

Я чуть прищурил глаза – все же слишком ярко светилось, но ничего, кроме сияния не увидел. Вскоре сияние стало менее интенсивным, и на экране начало проступать лицо. Сначала только контуры и намеки на человеческие черты, а потом – вполне даже человеческое, Леношино личико! Ура!.. Заработало!.. Хотя нет, не личико, а очень даже убедительный лик, потому что, сохраняя все Леношины цвета и оттенки, он светился. Не так, как на иконах схематично изображают нимб вокруг условно человеческой головы, а каждой клеточкой. И видно было, что это не отраженный свет, в каком мы видим друг друга, а внутренний. Полное впечатление, будто лицо состоит не из плоти и крови, а из света и тени. Я даже посмотрел на лицо лежащей Лены, дабы сравнить, и удостоверился в верности своего ощущения: вот – плоть, вот – свет.

А лежащая Леноша вдруг хитро улыбнулась, легко выйдя из многосуточной летаргии, словно чуток подремала, и сказала:

– Познакомься, Ромео, – это мое истинное духовное лицо...

– Оно прекрасно, – не мог не признаться, – но целовать я предпочел бы твое настоящее физическое.

– Не зарекайся, извращенец! – хмыкнула она. – Ты понятия не имеешь о духовных эмоциях.

– А они есть?

И духовный лик, и физическое лицо Леноши наградили меня жалостливой снисходительной улыбкой, какими мамыши одаривают своих возлюбленных чад, прощая им младенческую неразумность.

Мог бы и сам сообразить, что духовное и эмоциональное – одной природы, информационной.

– Ну, и где ты шалтай-болталась все это время? – поинтересовался я старательно спокойно, будто она вернулась с недолгой прогулки. – Начальство тут в неадекват ушло.

– Да знаю я, – кивнула она деловито. – Потому и вернулась, чтобы тебе существование не усложнять...

Помолчала чуток, рассматривая меня, и заявила:

– А борода тебе идет: не пацан, но муж, достойный... внимания.

При других обстоятельствах я был бы вдохновлен сим признанием, но сейчас мне было искренне наплевать, как я выгляжу.

– Ерунда! – отмахнулся я. – Побреюсь – опять не буду достоин.

– Сдается мне, что ты теперь изнутри бородатый, – хихикнула она.

– Уходишь от вопроса, Елена Владимировна! Где была?

– Это невозможно объяснить, – призналась она уже серьезно. – Это надо пережить... Что я тебе и предлагаю сделать прямо сейчас... Освобождай меня, выводи из эксперимента. И пока установка под нашим контролем, ты пройдешь моим путем. Вернее, своим, но в ту же сторону. И обратно. Я буду тебя ждать. А то я могу лопнуть от невозможности обсудить то, что теперь знаю.

– Это не страшно? – глупо ляпнул я. Ляпнул, потому что, на самом деле, никакого страха не испытывал, а можно сказать, бил копытами от любопытства и нетерпения.

– Не бойся, мальчик, – вдруг изрек лик с экрана, – я тебя встречу... поцелуем...

Язык мой балаболит, а руки делали дело, выводя Леношу из эксперимента. Конечно, основную часть вела автоматика, но человеческий пригляд за ней никогда лишним не был. Впрочем, все шло по регламенту.

Примерно через час я освободил ее от датчиков на теле, и Лена с явным удовольствием поднялась, потирая ладонями тело.

– Отлежала чуток, – призналась она.

А ведь могли образоваться и пролежни, если бы не был предусмотрен специальный вибромассаж на лежанке и звуковой массаж от встроенных источников.

А может, и не могли, если это световое и духовное все держало под контролем. Кстати, Лена встала и отключилась от аппаратуры, а лик все так же ехидно светился на экране. Чудесны дела твои, господи...

– Может, тебе массажик провести, – деловито поинтересовался я.

– Я те проведу! – хмыкнула она и погрозила пальчиком, потом показала головой на лежанку: – Ложись давай!

– Уже?... Ты погоди, – понял я. – Мне сбежать кой куда надо, а то оконфужусь тут в бессознанке.

– Беги, дурень! – разрешила Лена, пробормотав вслед: – Какая ж тут бессознанка? Сплошная беспросветная сознанка.

А у меня в процессе справления нужды вертелись в голове строки Вознесенского:

«Душа – совмещенный санузел,

Где прах и озноб душевой...»

Только не душа – совмещенный санузел, про нее мы ничего толком не знаем, а сам человек... Некоторые и не совмещенный вовсе, а типичное отхожее место... Наш санузел был не совмещенный, а смежный – с отдельными дверями для каждого функционала. Я принял душ, вытерся, а одеваться не стал – что уж там... Будто мы не любовники. А время дорого.

– Хорош, – одобрила Лена и подтолкнула меня к лежанке.

Телу было удобно.

Она ввела мне в вену нанодатчики, и, пока они распределялись по организму, оборудовала меня с головы до ног макродатчиками – и контактными, и бесконтактными. Слава инженерам – сейчас для снятия электроэнцефалограммы не требовалось вводить в мозг электроды. Все, что имеет изменяющийся электрический потенциал, излучает, и измерение этих излучений – задача уже научно-техническая, на данный момент решенная.

Лена запустила программу тестирования аппаратуры и подмигнула мне заговорщицки.

После психопаузы, которой не почувствовал, но знал, что она существует, первое, что я увидел, был ее светящийся образ во всей ошеломительной красе. Не только «светлый лик», который на экране выглядел на несколько порядков тусклее, но и все остальное, что я впитал взором, уносясь.

Я даже не покосился на оставленную духом собственную живую плоть. Мне сейчас, чтобы попасть в мир иной, надо зацепиться за память о прошлой смерти давно уже мертвой плоти. Из живой – туда пути нет. Хотя сие – более позднее объяснение, в тот момент я об этом не знал. Я не мог оторваться от созерцания Световой Леноши и не мог не броситься к ней. Это даже не магнит, а Светлый Коллапсар.

– Ух, облобызаю! – успел я услышать издевательскую телепатограмму и меня поцеловали...

– Жив, Ромашка? – услышал я заботливое вечность спустя.

– Уж и не знаю, как это у вас называется, – ответил я, выныривая из нирваны. Хотя нет – нирвана, теоретически, – вечное бесчувствие, а я был в вечном блаженстве, жаль, так недолго. – Жив ли, мёртв ли или ни жив, ни мертв?

– Недолго? – усмехнулась Светлая Леноша, услышав мои сетования. – Век прошел, однако, человеческий.

– Как это? Я не вернусь в свое время? – честно испугался я.

– Смотри, кто есть ты? Ромашка вернется на свою грядку. Во-первых, здесь свои законы времени, во-вторых, век прошел не с твоей, а с его смерти, – мысленно отослала она меня к тому, кто стал проводником моим в этот мир. И тут я его почувствовал во всей глубине. И весь мой духовный оргазм, как корова языком слизнула... И лепешкой сверху припечатала.

Тому, с чьим духом я сейчас воссоединился, еще было по-человечески страшно. Он прихватил этот страх из жизни, с которой только что расстался. А поскольку праведником не был, будучи профессиональным душегубом, наемным убийцей то есть, а официально – палачом, то и получить на этом свете предполагал по заслугам, ибо «не убий!» в первых номерах греховных идет. Мне даже любопытно стало: на кой ты злодействуешь, раб божий, если ожидаешь неминуемой страшной расплаты за это? И тут же понял: на той, что лишая жизни, чувствуешь себя равным богу или черту, то есть существом, стоящим над человеком. Раб всегда жаждет возвыситься до хозяина, но так и остается вздрюченным рабом. А высота пугает перспективой низвергнуться.

Но я не дал ему заморочить меня (нас?) низменными эмоциями. Переключил его дурацкий страх на свое неумное любопытство. И поволокло меня... Поволокло в канализационные глубины жития. Я не стал задерживаться на его злодействах – во-первых, ничего интересного, во-вторых, оказалось, что я про них все и так знал. Ну, как на голограмму посветишь нужным образом – она тебе всю картинку в мельчайших деталях и предоставит.

Потом дед, отец отца, обнаружился – великий воин, врагов неслитано на поле брани положивший и сам на последнем polegший. И жена его, мужнину кольчугу надевшая и ворога до границы с другими воинами гнавшая. Мстиславой прозванная соратниками...

И по материнской линии пошло ветвление...

Так раскрывались духу моему все ручейки, сливаясь, дарившие жизнь мне. Все корешки, на коих держалось древо моей жизни, бывшее лишь корешком для следующей, моей же. Предки мои, оказывается, незабвенные...

Самым странным было ощущение того, что это не чужие, пусть родственные, жизни, а единая моя, каждый момент коей я мог воскресить и проследить от начала до конца конкретного воплощения. И если бы кто-то из них обратился ко мне, как к оракулу, расписал бы всю жизнь в подробностях, но... только никто из них меня уже не спросит. Слепой идет,

прозревший стоит. После драки кулаками... ушибы трут. Я почесал указательным пальцем свою светоносную репу. Вот если бы протиснуться к ним сквозь время...

А становление моей личности продолжалось, все обширней укореняясь в почве прошлого. Тяжелой и темной, как всякая почва. И червяки сомнений в ней копошились – жирные и прожорливые. Кто я? Свалка информации, архив или нечто живое?

Ощущаю себя живым. Даже слишком – все, кто умерли, во мне живы. Правда, жизнь свою изменить уже не могут – «нет уж, нет уж – умерла, так умерла»... Но обмыслить ее, прочувствовать – пожалуйста, извольте без ограничений во времени. Однако анализ идет не по человеческой шкале ценностей, не по пользе для ежесекундного человеческого бытия, хотя и в этой пользе греха нет, а по тому, насколько приподнял ты свой дух над кормушкой основных инстинктов. Каким чувством дух обогатил, каким знанием, каким житейским опытом. А ценнее всего для духа – редчайшая способность живого чутя свое вечное. Та жизнь дорога для духа, что с ним живую связь осуществляет. Хотя бы неосознанно. А если уж кто сознательно на контакт идет, то, вообще, Просветленный. Только, как оказалось, связь эта не имеет ничего общего с йоговской или эзотерической практикой всяческих медитаций и отключений живого от жизни. Они – лишь способы искажения реальности с помощью нарушения психики. Великое искусство жизни в том, чтобы «жить – изорваться страстями в клочки» и при этом суметь передать эти страсти вечному своему духу. Для этого надо всего лишь ощущать свою неразрывную связь с ним. Всего лишь, а способны на это единицы из тысяч, а то и из миллионов.

Мне стало по-настоящему страшно, когда понял, насколько слепоглухонемото я жил. И не только я, но и большинство моих предков. Это я уже дискредитирую вечный дух по его воплощениям. Была среди нас пара-тройка ведьм и по отцовской линии, и по материнской, которые чутяли дух свой и умели слышать его. Сожгли ведуний, кого на костре, кого в хате. Хорошо, деток успели оставить, которых добрые люди спасли, а то бы утерялось в роду наше умение. Оно же, как все у людей, что достойно вечности, в генетической программе прописывается. Свет вам, мои прапра и прапрапра! Спасибо, что чую вас в себе!.. Не вами ли мое научное направление определилось?.. И за это благодарю. Чем отплатить осилу?

Вдруг почувствовал, что любой из ведьм сейчас стать могу! Эх... Нет, боязно... Не страшно, а именно боязно ввалиться, куда недостойн. Хоть я –

это и они, но не совсем: индивидуальность духа сохраняется и единство присутствует. Это как ноты в симфонии – каждая по-своему звучит, но все вместе – совсем другое. А убери одну нотку – фальшь ползет. Хотя с нотами – упрощение. Их всего семь, а нас, единственных и неповторимых, – лукошко, бочонок да плошка. Планетарных масштабов лукошко...

Вообще, это духовное бытие можно с большущим упрощением уподобить многопрограммной работе компьютера: ты себе в Ворде текст набираешь, а комп трудолюбивый в это же время из Интернета что-то качает или решает какую-нибудь задачку. Упрощенно, потому что в компе «как бы одновременно», а в духе – одновременно на самом деле. Ведь я и себя живого наблюдал рядом с Леношей, и рассказывал ей, что со мной происходит, хотя она и сама видела, но я же еще и интерпретировал.

Теперь я понял технологию блокировки входа в наше помещение: это был фильтр для духовного в любом его проявлении – психика, инстинкты, рефлексy – все это не пускало своих носителей через наш порог, потому что мы выставили свою защиту. Сначала – Леноша, теперь – я, осознав, что к чему и почему. Для нас, духов, это – пара пустяков. А столик с пищей – добро пожаловать... К сожалению, и пуля – тоже, если вовремя не поставит блок на пуляние. Но для пуль, игл и прочих гадостей работает другая защита – микро- или даже наносдвиг защищаемого объекта-субъекта по времени. Нельзя уколоть или застрелить то, чего в настоящем еще или уже нет. Образ зрительный есть, а самого трансформатора или Леноши – нет. Сдвигаясь во времени, он передвигается и в пространстве.

Световая Леноша, тем временем, если здесь уместно говорить о времени, терпеливо дожидалась, пока я окончательно сориентируюсь в новом для меня пространстве-времени, где одно превращалось в другое и обратно.

Я наблюдал за белым шумом на экране и радовался, что, несмотря на коллапс то во времени, то в пространстве, контролирую ситуацию в экспериментальном отсеке. А на самом деле – и во всем мире. Не определяю, а контролирую. И, по крайней мере, самозащиту могу обеспечить, как это сделала Леноша при поползновениях сверху.

Интересно, что она сейчас вполне комфортно пребывала в двух ипостасях одновременно: в световой (волновой? Информационной?) и во плоти. Причем, я знал – ипостаси общаются между собой. И это – то новое, что открыл наш эксперимент. Уж не знаю, каковы будут последствия. Пока они спасли нас от посягательств напуганных бюрократов от науки. Надолго ли? Поживем – увидим, если поживем.

Да, Ромео прав – мы неожиданно для себя установили, вернее, расконсервировали канал связи между человеком смертным и человеком вечным, родовым. Их, вечных, кстати, совсем немного, потому что большая часть человечества – родственники, а все родственники едины в Человеке Родовом, как ручейки и речки – в море, как корни – в дереве. Странно, что мы с Ромкой оказались не родственниками. Возможно, в этом повинны наши расовые различия?

Он еще осознает, а мне уже совершенно ясно, что рухнули все теории реинкарнации в индуистско-буддийско-эзотерической транскрипции: душа вовсе не переселяется из тела в тело, меняя плоть, как одежды, накапливая жизненный опыт и стремясь к полному освобождению от физического плана и слиянию с Абсолютом в любой форме его существования. Духовная сущность Человека Родового, во-первых, вполне материальна и безраздельно подчиняется законам материального мира, во-вторых, эти законы в области ее существования проявляются специфически, то есть не так, как в экологической нише Человека Смертного, а как им должно проявляться. Ведь, вообще-то говоря, человеку нет места в области применения квантовой физики, но от этого не перестают существовать ни человек, ни ньютонова, ни квантовая физика. Всяк сверчок отлично знает свой шесток. Духовный сверчок тоже отлично знает свое место. Он не прыгает из жизни в жизнь, а усложняется и развивается от жизни к жизни, соединяя в себе все, что накоплено предками с двух родительских сторон, а потом соединяется с другим потоком жизни и образует новую духовную сущность. Как все сложные саморазвивающиеся системы в мироздании, каждый родовой дух подчинен закону, научным языком выражаясь, цефализации, а по-человечески – закону усложнения. Человек Родовой, он же Человек Вечный, един во множестве личностей – он и индивидуум, и коллективный субъект. Впрочем, и человек якобы смертный точно так же есть результирующая множества своих предков на генетическом уровне. И он един во множестве...

Сложновато для трепетной девы? Во-первых, не дева. Во-вторых, как еще изъясняться доктору медицинских наук, анализирующему предварительные результаты своего научного эксперимента?

А чтобы стало понятно и домохозяйкам: нет души индивидуальной, а есть лишь коллективная.

И странный, а может, и страшный вывод напрашивается из этой логической цепочки: когда все люди породнятся, останется одна душа на

всех, вернее, дух. Надо определяться с терминами, а то путаница с пути логического сбивает. Душа – это информация о конкретном смертном человеке, которая после смерти подключается к общему родовому духу и осознает себя им.

Может, хоть тогда наступит единомушие? Утопия!.. Однако куда деваться от объективной реальности?

Хорошо это или плохо – не знаю, такова логика развития Человека Вечного. Если я ничего не напутала.

Еду мне доставляли. Попытки проникнуть за незримую преграду оставались безрезультатными, потому что «синдром Рудольфа Сикорски» («синдром Экселенца») – неизвестную угрозу надежней ликвидировать, чем ждать, когда она станет очевидной – всюду бушевал за пределами защищающего нас пространства. Собственно, для этого не надо быть сверхдухом, а достаточно знать своих современников. Поэтому нам не оставалось ничего иного, кроме как неизвестное сделать общеизвестным, дабы не «экселенцы» принимали решение, а коллективный разум или, на худой конец, коллективные эмоции демоса. Если не задействовать демос, то демократии никогда не будет.

И я, не дожидаясь возвращения Ромки из мира иного, принялась перекачивать всю информацию по эксперименту, фильтруя из нее в отдельную папку доступную для демоса часть, на свой ноут. Он имел выход в Интернет в отличие от задействованных в эксперименте компов. Информационная безопасность в целях охраны приоритета на открытие. А мы застолбим приоритет путем открытой публикации... И, чтобы быть предельно понятной народу, комментировала публикуемые материалы перед видеокамерой, встроенной в ноут.

Я изредка поглядывала на своего Ромео. Он явно сколлапсировал время, потому что борода его несколько не выросла, а жаль, потому что очень была ему к лицу. И взрослила, хотя бы внешне уравнивая наш возраст. Странные комплексы для дуры, только что бывшей Человеком Вечным и сейчас с ним связь не потерявшей. Видать, у нас все отдельно: дура – в своем кармашке, а Вечный – в другом. Мы с тобой два берега...

Ромео вернулся быстро, и я сразу поделилась с ним своим ощущением бушующего «синдрома Экселенца». Он сразу же подтвердил мои ощущения своими. Он даже незримо присутствовал на нескольких закрытых совещаниях, где нас объявили: кто – мутантами, кто – пришельцами то ли из других миров, то ли из другого времени. Все отлично подкованы в фантастических ужастиках благодаря Голливуду и его местным бастардам.

Больше всего их пугала наша неуязвимость, в ранг которой они возвели нашу относительную защищенность. Неуязвимый страшен, потому что не такой, как все, даже если приветливо улыбается. А чего это он так подозрительно улыбается, уж не задумал ли чего опасного?

А поскольку неуязвимого не уничтожишь, хотя, возможно, попытаться стоит, то для начала нас решили изолировать, то есть не выпускать из помещения, куда мы их не пускаем. М-де – как аукнется, так и откликнется, получается. Мы их не пушаем, они – нас. Стоят два придурка и держатся друг за друга.

Мою инициативу по организации гласности нашего открытия Ромка тоже поддержал и тут же подключился к процессу – свою часть принялся перекачивать. И в четыре руки да в два компа начали трансляцию в Интернет на несколько сайтов сразу с пометкой «Для срочного распространения! Научное открытие!».

У нас имелись железобетонные факты изменения реальности, против которых не попрешь и не станешь пытаться объяснить их сновидением или сдвигом психики под действием аппаратуры. В комнату нашу никто войти не может – факт, трансформатор отключить – тоже очевидность. То есть эксперимент защищает сам себя, сохраняя условия для существования. Стало быть, реально существует нечто, способное на такую самооборону. Это ясно не только нам, но и тем, кто нас испугался.

А может, они правы, что бояться? Мир иной обнаружил себя (или мы его обнаружили) и вошел в непосредственный контакт с нашим прежним миром, который больше таковым не останется, даже если мир иной опять спрячется.

Что же будет?..

Мы посмотрели друг на друга, пытаясь обнаружить изменения прежнего облика, знакомого, кажется, до мельчайших деталей, потому что детали эти были любимыми. Вроде все на месте, на первый взгляд. А на второй, оказалось, что лицо Ромео начинает слегка светиться изнутри, будто тамшний его образ медленно проступает сквозь здешний. Это было красиво.

Да, это было прекрасно! Леноша стала божественно женственна! Гораздо прекрасней, чем на том свете.

И... мне показалось, что я чувствую еще чье-то присутствие. Кого-то очень родного, без кого дальнейшая жизнь невозможна. И в удивленном взгляде Леноши тоже проступало это ощущение.

Не произнеся ни слова, мы поднялись и, держась за руки, пошли в комнату отдыха. Там не было видеокамер точно.

В Леноше всегда присутствовало это ошеломительное свечение. Помню, когда я впервые пришел к ней в группу на работу, чуть не ослеп: открыл дверь и обалдел – она повернулась ко мне с вопросом в глазах, а от лица ее исходил свет. Не только от глаз или улыбки, а от всего лица, а может, даже и от всей фигуры. Тогда я сразу и бесповоротно влюбился. Позже я рассказал ей об этом, а она смеялась, явно мне не веря, и целовала, признаваясь, что тоже влюбилась с первого взгляда, но долго не позволяла себе это признать.

Теперь же Леноша светилась так, что в комнате, где мы не стали зажигать света, было светло. Особенно, когда сбросила с себя одежду.

Я вспомнил ее объятия в мире ином, когда она обняла меня здесь – это было столь же ошеломительно блаженно и пронизывало меня насквозь, как какое-то поле – магнитное, электрическое, гравитационное или все сразу, хотя это было порожденное нами поле любви. Мне так думалось, вернее, ощущалось, потому что мысли смешались и ушли на второй план, а потом и вовсе исчезли вслед за временем и пространством.

Вернулись мы в мир только к утру, а вернувшись, мы твердо знали, что мир изменился, потому что в нем зародился новый дух, который объединит наших Родовых Человеков. Не убьет, не зачеркнет, а сделает новой единой сущностью, как не исчезают компьютеры, включаясь в единую сеть, а обретают новые возможности.

Мы оба знали, что у нас родится сын. И уже любили его.

Правда, мир еще не знал, что настолько изменился. Он был занят совсем другим – перевариванием нашего открытия, информация о коем уже разносилась по Сети и смутила умы. Кто-то верил, кто-то – нет, но обсуждали все. Естественный процесс. Главное, что отмахнуться от проблемы уже не было возможности, и нельзя уже молча придавить нас в приступе инстинкта самосохранения. Если все человечество не впадет в этот приступ.

Отслеживать все дискуссии в интернете у нас, естественно, не было времени. Заглянули на знакомые научные сайты. Выложенные там высказывания были очень осторожны, мол, информация требует проверки, возможна фальсификация. Нормальная научная реакция, основанная еще Фомой неверным. На это мы и рассчитывали – проверяйте, помогите нам разобраться. Правительственный сайт молчал, видимо, ожидая вразумительной реакции научных консультантов. А остальной

интернет штормило – всем же интересно, есть ли тот свет и что там творится.

Что там творится, в полной мере и мы пока не знали – только заглянули туда краешком духа смятенного смертного. Там казалось, что все знаем, но большая часть информации, очевидной там, здесь не могла быть интерпретирована из-за отсутствия соответствующих понятий и слов. Осталось только ощущение присутствия, досада от собственного убожества и некоторая надежда на то, что со временем, когда наш эксперимент перестанет быть экспериментом, превратившись в часть жизни, в процесс истинно духовного познания, появятся и понятия, и слова, и мироощущение, сформированное новым знанием.

Ужасало лишь то, что пока эксперимент не может стать частью жизни не только по научно-техническим причинам, а, главное, из-за чрезвычайной дороговизны оборудования, которое в обозримый исторический промежуток времени не подешевеет. Если, конечно, человечество не пересмотрит экономические приоритеты. А чего ради ему их пересматривать? Скорее всего, элита оставит эту возможность для себя, став еще более элитарной и недостижимой для большинства. Хотя, возможно, и это – путь, ведущий к прогрессу – ведь тот, кто побывал там, прежним не останется, как не остались прежними мы с Леношей. Но в какую сторону пойдут изменения в каждом конкретном случае, предсказать невозможно. А вдруг и в духовном мире идет борьба за... За что они там могут бороться? За обладание вечностью? За более правильный путь развития и взаимоотношений между смертной и бессмертной сущностями?.. Приходится признать, что в порыве удивления и первого знакомства мы ничего не узнали о социальной сфере мира иного. Есть ли она, вообще? Каковы ее особенности? Если есть социум, то должна быть и социальность – законы существования и сосуществования... Ох, как много еще нам надо узнать! Позволят ли?..

– К нам Гость! – сообщила вдруг Леноша с торжественностью в голосе.

Послышался энергичный топот, мы повернулись в сторону входной двери. Она была открыта, и холл перед нашей комнатой просматривался хорошо. Тем более что мы уже стояли возле входа. Интересно же наблюдать такое. Раньше только в кино доводилось.

Громила в броне, распахнувший ударом ноги дверь, смотрелся одновременно грозно и карикатурно. Грозно, ибо был огромен и страшен, а укороченный автомат в его ручищах подрагивал в готовности изрыгнуть смерть. Нашу, кстати, если неправильно, на его взгляд, себя поведем.

Карикатурно – потому что со стороны «балет» с автоматом в руке выглядит нелепо.

Телохранитель впился в нас орлиным взглядом, не сомневающимся в своем праве убивать. Мы спокойно наблюдали за ним, не пытались скрыться. Он поводил дулом из стороны в сторону и, не спуская с нас настороженного взгляда, тигриным скоком приблизился к нашей распахнутой двери.

– На пол! – рыкнул он так требовательно, что любой тигролев позавидовал бы.

Звук доносился чуть приглушенно – звуковые колебания приходили в наше будущее, слегка растеряв свою амплитуду.

Мы усмехнулись и не подумали подчиниться. Вот до какой наглости неуязвимость доводит. Громила оторопел и возмущенно слету ткнулся дулом автомата в дверной проход, явно не ожидая сопротивления. А должен был ожидать, не удосужился изучить опыт коллег. Видимо, срочно собирался.

Дуло скользнуло в сторону, как по обледеневшему камню, и боец, потеряв равновесие, ткнулся мордой в невидимое препятствие. Щека и губы – в смазанный блин, глаза – навывкат, палец произвольно дернулся, рывкнул сдвоенный выстрел, и пара пуль полетела вдогонку друг за другом, рикошета от бетонных стен. Как еще он умудрился весь рожок в полет не выпустить? Припал на одно колено, но мгновенно вскочил и уставился на нас. От выстрелов мы, конечно, вздрогнули, но позы не изменили. На лице Леноши я заметил ободряющую улыбку. Ей явно было жаль этого слона в посудной лавке.

В холл заглянул второй телохранитель, мгновенно оценив диспозицию.

– Первый! Что тут у тебя?

– Чертовщина какая-то, – сверкая взглядом, ответил тот.

– Не чертовщина, а эффекты разбалансировки пространства и времени, – решительно вошел в холл Гарант и Верховный, коего мы привыкли лицезреть на портретах и экранах телевизоров. Явился и все объяснил в соответствии со своим статусом. И когда референты-консультанты успели снабдить его нужными формулировками? Не зря свой хлеб едят и маслом с икоркой намазывают. Впрочем, формулировка наша. Но ведь ее надо было выудить из потока информации!

Гарант наших гражданских прав на телохранителей даже не покосился, а сразу же воззрился на нас с приязнью во взоре и добросердечностью в улыбке.

– Я прав? – обратился он непосредственно к нам, имея в виду свою интерпретацию «чертовщины».

– Близко к истине, – кивнул я. – Всей ее глубины никто не знает.

– Уйдите за ту дверь! – приказал он телохранителям и уточнил направление большим пальцем, направленным за спину. Он удалял их даже из холла. – И никого ни при каких обстоятельствах не пускать, сколько бы я здесь не пробыл! Ясно?

– Так точно! – дуэтом доложили оба и быстро покинули помещение, закрыв за собой дверь.

– Здравствуйте, Елена Владимировна и Роман Викторович, – с легким поклоном поздоровался Гарант. – Примете меня в свою компанию?

– Добро пожаловать, – мило пригласила Леноша. Ох, уж эти дамские угодники! – Если с добром пришли, – добавила моя гостеприимная.

– Уж не знаю, добро ли желание разобраться в феномене не из третьих трансляций, а лично? Но я к вам с этим.

Леноша все же вопросительно глянула на меня, и мы, почувствовав единодушие, с помощью духовных наших субстанций, уже породнившихся, на несколько секунд восстановили баланс времени и пространства, как выразился наш многоуважаемый гость.

Он подчинился моему приглашающему жесту и беспрепятственно вошел в нашу комнату. Во избежание неожиданностей мы вернули дисбаланс.

– И каким образом вы предполагаете разбираться? – спросил я. – В диалоге, то есть триалоге?

– В вашем материале прозвучала ключевая фраза: «Это невозможно объяснить, это надо пережить». Я пришел именно для этого.

Он испытующе посмотрел на нас – не станем ли возражать?

– Вы – первый, кроме нас, – заметила Лена, – но уверены, что не последний. Однако у других нет ваших возможностей. Вы должны знать, что запрещаете людям или что позволяете.

– И мы не устанавливали монополии на познание, – добавил я. – Если вы приняли решение, то мы готовы помочь вам его воплотить.

– Тогда начнем, если не возражаете, – решительно двинулся он к лежанке в зоне эксперимента. Из нашей информации было ясно, как это происходит. По крайней мере, внешне.

– Начнем, – кивнула Елена Владимировна. Она была строга, как врач с пациентом. Гарант сразу присмирел и даже взгляд изменился – из лидерского стал типично пациентско-кроличьим. Со мной она была ласковой.

После стандартного медицинского контроля приступили к процессу эксперимента. Ввели нанодатчики, пока они распространялись по организму, обвешали Гаранта макродатчиками. Все должно быть под контролем, особенно, в случае столь ВИПового пациента. Не дай бог что – потом десять шкур сдерут. Да и сами власы рвать на себе будем.

– Ни пуха! – напугствовала Лена и включила аппаратуру.

Гарант шепнул:

– К черту! Нет, лучше к ангелу... – и погрузился.

Мы уже приготовились наблюдать очередное чудо, как он открыл глаза и отчетливо произнес:

– И как с этим жить?

– Вы о чем? – в первый момент не понял я. По хитрой чуть заметной улыбке Леноши я заподозревал, что она догадывается – о чем.

– Как жить человеку смертному мы худо-бедно поняли, – ответил он, встретившись с моим взглядом. – Жить, как живется или как может, а вот как жить Человеку Вечному, который ни вечность организовать не может, ни жизни своих смертных воплощений? Ну, до сих пор не мог. Да и теперь возможности минимальны. Все ж такие суверенные и неприкосновенные! Фу ты, ну ты!..

– Вы не поняли, что невозможность им напрямую вмешаться в нашу жизнь и нам – в их – это «защита от дурака»? – удивилась Леноша.

– Защита от дурака?

– Ага, – кивнул я, – двусторонняя. От дурака духовного и бездуховного. С инициативой. Оба должны естественно созреть друг для друга.

– Естественно, это как? – спросил носитель мудрости.

– А так, как получилось, – ответила за меня Леноша. – Смертный осознал идею, возможно, подсказанную ему вечным, нашел ее технологическое и техническое решение и встретился с собой вечным. Произошло слияние двух частей единой сущности.

– Надолго ли? – поставил очень правильный вопрос Гарант.

– Кто ж знает? – пожала плечами Елена Владимировна. – Поживем, если позволят, увидим, если заметим.

– Не успели всю ситуацию осознать, слишком быстро вернулись, – прокомментировал я.

– Да нет, я все успел, что смог и хотел. Я же вернулся к исходному моменту, разве вы не поняли? Если нам подвластны время и пространство, то такие эффекты легко достигаются. Мог бы и в прошлое вернуться, но, мне кажется, это было бы неправильно. От проблемы не убежишь, ее надо решать.

Я посмотрел на размер файла записи эксперимента – его объем был вполне сопоставим с нашими файлами.

Он, освобожденный Еленой от датчиков, уже сидел и заметил, куда я смотрю.

– Позвольте, я сотру эту информацию, – решительно сунулся он к компу и действительно удалил свои файлы.

– А как же?!.. – вскрикнула Леноша, для которой каждая крупница информации по эксперименту стоила несоизмеримо дороже любых драгоценностей.

– У вас будут другие испытуемые, – пообещал Гарант, – я позабочусь, а информация обо мне совершенно секретна в целях государственной безопасности. Не обижайтесь, пожалуйста, – обаятельно улыбнулся он ей.

Лена вздохнула и развела руками, мол, ох уж мне эти ваши секреты.

Он был государственно мудр, но недостаточно информирован – все данные по эксперименту сразу дублировались по нескольким адресам во избежание случайной потери и преднамеренной порчи. Что мы и поимели. Разочаровывать высшее должностное лицо не стали, ему необходимо быть уверенным в собственной мудрости, дабы без комплексов управлять другими.

– Так-так-так, – задумчиво протакал он. – Я назначаю вас обоих моими научными консультантами – в этой сфере, разумеется.

– И чем это нам грозит? – поинтересовался я.

– Вы получите все условия для продолжения работы и... вас будут охранять.

– Нас охранять?! – удивилась Лена.

– Для статуса. Чтоб всем ясно было... Я же понимаю, что вы легко уйдете из-под любой охраны, если возникнет необходимость. Но поиграйте какое-то время в солдатиков. И надеюсь, что не откажете мне во встрече, когда я попрошу. Впрочем, взаимно – я тоже всегда в вашем распоряжении. Нам теперь трудно будет друг без друга... И ваш пресловутый «естественный путь» не продолжится без нашей с вами совместной деятельности, ежели мы решим, что он должен быть продолжен. Пока для меня это не очевидно. Возможно, это только вы

созрели, восприняли и воплотили идею, а остальным еще зреть и зреть. А что будет, если незрелых пустить в этот огород?

– Почему-то мне кажется, что для незрелых этот путь закрыт, – признался я в невесть откуда взявшемся ощущении.

– Что значит, закрыт? – резко повернулся ко мне Гарант. – Может быть, тот, кто не готов, не вернется в мир сей? Или не попадет в тот? Что ожидает незрелого – смерть или разочарование?

Ответов у нас не было. Их можно было получить только в эксперименте. Но если есть риск, имеем ли мы право его продолжать?

Политик умел загнать оппонента в угол.

– Ладно, – заключил он, – дорогу осилит идущий. Топтаться на месте мы уже не можем. Тем более зная, что человек вечен... Я пошел, труба зовет, а вы снимите защиту со всего, кроме непосредственно себя и аппаратуры, дабы луддиты не разбушевались. Сильно подозреваю, что таковые уже нашлись и строгоют дубинки. Институт должен продолжить нормальную работу. Он ведь не только на вас двоих держится?

– Разумеется, – ответила Елена Владимировна, – у нас много интересных ученых.

– А вы, – усмехнулся наш мудрец, – как говорится, будьте проще, и народ к вам потянется. Ну все, уехал. Будем на связи. Вот вам мой телефон, протянул он мне навороченный аппарат. – Канал защищен. Потом будет и второй. Работаем, коллеги!

И быстро покинул помещение, по пути отключив защиту на входе. Пожалуй, он прав: чем дальше мы шарахаемся от мира, тем активней он будет шараться от нас.

В коридоре послышался удаляющийся радостный топот, за окном замурлыкал мотор. И лимузин покинул институтский двор. Мы знали, что Верховный уже сделал категорические распоряжения относительно нашей безопасности. Неизвестно – дошли ли они до всех исполнителей и всеми ли были приняты как руководство к действию? Посему мы не торопились покинуть сию юдоль науки. Нам было еще чем заняться, например, скинуть информацию по путешествию в мир иной нашего высокого гостя и закрыть доступ к ней. И, естественно, превыше человеческих а тем более, исследовательских сил – не поинтересоваться духовным путешествием Верховного. Вдруг что-нибудь новенькое обнаружится?

Мы, как чуяли! Даже не «как», а просто чуяли, ибо обнаружилось!

Дух завис над толпой рычащих одетых в звериные шкуры людей. А может, еще полулюдей? Они увлеченно топтали ногами и тыкали

заостренными палками и дубинками в кого-то, лежащего на земле. Видно было, как он сучит ногами. И вдруг эта толпа зверолодей оказалась сверху.

Дух в первый момент недоумевал – никак не ожидал ощутить себя в роли жертвы, но быстро сообразил, что, увлекшись охотой, его носитель случайно оказался на чужой охотничьей территории. Он бы и сам не простил такого чужаку... Наклонившись над поверженным, охотник на несколько секунд оказался беззащитным, за что и поплатился. Теперь жертва валялась в стороне, никого не интересуя. Ее очередь наступит позже. Все правильно, все справедливо – таков закон жизни... Но вдруг умирающий охотник ощутил в себе кого-то другого. Или это кто-то другой удивленно обнаруживал в себе охотника? И у каждого из них была своя правда и своя справедливость, стремящиеся к гармонии, без коей единства не достичь. А как без единства существовать единому, хоть и многодушевному духу?

Выходили мы из института с некоторым внутренним напряжением, хотя точно знали, что ничего с нами не случится. Не предполагали, а именно знали. Интереснейшее мировосприятие, словно два видеоряда сразу видишь: то, что происходит в общечеловеческом «сейчас» и то, что происходит в будущем. На самом деле, для нас все было наоборот: «будущее» – это сейчас, а «сейчас» – это прошлое. Очень удобно для исключения нежелательных контактов любого рода.

Сопровождающие лица обнаружили сразу. Они и не скрывались, но и не навязывали своего общения. А нам до фонаря.

Гарант в долгу перед нами не остался – институт забурлил от научной жизни: к нашим исследованиям приобщились самые разные специалисты. По нашим субъективным оценкам больше всех ломали голову над феноменом физики, тщащиеся понять и объяснить механизм обмена информацией между мирами. Для нас двух миров вроде бы и не было, ибо оба мира находились в нас. Но физиков мы понимали – субъективные ощущения в формулах не изложишь, а нужны были именно формулы, потому что все субъективное имеет объективные корни. Зародилась в муках психофизика, но полноценные роды хоть какой-нибудь теориейки катастрофически задерживались, и никакие «сечения» – ни «кесарево», ни «золотое» помочь не могли.

Ну, на самом деле, как можно объяснить, что одна и та же сущность способна одинаково воспринимать и «пульс вселенной» в $2 \cdot 10^{-18}$ Гц, и «бешеные террагерцы» полевых колебаний, убийственные не только для биологических, но и для многих физических систем макро- и даже

микромира. Как можно было, вообще, их обнаружить? И не только обнаружить, а практически одновременно ощущать. «Одновременно», правда, при отсутствии времени. Точнее при его локализации. Этого же не объяснишь. А физики и психофизики пытались. Честь им и хвала.

А мы делали свое дело – воссоединяли Человека Смертного с Человеком Вечным. А дальше они уж пусть сами между собой разбираются. Дважды путешественники в мир иной «не вернулись». Это их личный выбор. Перед экспериментом каждый давал подписку об отсутствии претензий, потому их и не возникало, хотя мы все равно ощущали свою вину.

С Гарантом мы встречались еженедельно. Было о чем посоветоваться. В политику мы не лезли, но философские и социальные аспекты нашего нового бытия и личный опыт жизни в двух мирах каждому из нас был крайне интересен. Им и делились.

А мы вдвоем ждали нашего сына. Как же мы любили друг друга и его!

Там, в духовном мире, это выражалось в том, что мы всё полнее сливались воедино, как две мелодии сливаются в одну фантазию на тему любви. Там мы моментально находили друг друга, если хотели, а хотели всегда, и испытывали при этом неизъяснимое блаженство. Духовный резонанс называется.

А на девятом месяце через все СМИ пролетела утка, которая накричала, что у двух монстров родится Антихрист, о котором предупреждал Иоанн Богослов. А этого нельзя допустить. Президент усилил нашу охрану, но... Ясно, что мы были неуязвимы для простых смертных, можно было бы и не беспокоиться, но сможем ли мы защитить и младенца? Мы не знали. Девяносто девять процентов уверенности – это не сто.

Мы взяли отпуск и уехали на дачу. Сопровождающие нас всюду уже почти родные лица разбили палаточный лагерь неподалеку. Мы всегда были в поле их зрения. Учитывая ситуацию, ничего против не имели. С нами в доме жила врач-акушер. На всякий пожарный... А на непожарный дежурила машина скорой помощи. В ближайшем поселке во вполне приличной больнице была оборудована палата для рожениц, она ждала Леношу.

Лес, озеро, отличная рыбалка и купание после нашей рабочей гонки (и куда спешили?) были для нас земным воплощением рая, коего, нам теперь точно известно, нет на небесах, если не считать за него духовный мир. А рай обычно мыслится человеком как место вечного блаженства для человека. Мы и блаженствовали. Не снимая защиты.

Живот у Леноши был большой и почти идеально круглый, словно она земной шар проглотила. Ну, не планету, так глобус. Когда она плыла на спине, было умирительно и смешно. Я и хихикал, про себя. Беременные – такие обидчивые. Успел убедиться по неосторожности.

Однажды, когда она выходила из воды на берег, я с удивлением заметил, что вижу сквозь нее озеро и остров метрах в двухстах от берега.

– Эй! Ты где? – крикнул я. – Почему ты прозрачная?

– А ты, думаешь, не прозрачный? – хмыкнула она, из чего я понял, что она понимает происходящее.

Я посмотрел на свою ногу и увидел сквозь нее траву, на которой сидел. Здравствуй, приехали. На автомате вскочил и бросился к любимой жене, даже удочку, с которой сидел, из рук не выпустив. До меня уже почти дошло! Я обнял Леношу, и она прошептала:

– Сейчас нас будут убивать...

Да, я тоже их «увидел». Хорошо, что наши телохранители в стороне и не успели заметить киллеров. От приготовленного для нас оружия они бы не спаслись. А мы?.. Нас здесь уже нет.

Но взрывную волну мы еще успели ощутить, чуть-чуть. Хотя, на самом деле, это была не взрывная волна, а наше представление о ней.

Леноша рожала долго, как мне показалось. За это время я не раз с благодарностью вспомнил наставления акушерки, учившей нас умудуму. Мы с Леношей дуэтом и дышали-пыхтели, и всякие упражнения делали, и тужились, и звали на помощь, зная, что никто не поможет... В этом первозданном мире помощников не было. Ни врачей, ни скорой помощи, ни повитух, ни ведьм. Здесь были только мы, пока вдвоем. Ему никто, кроме нас, нужен не был. Вся свою утробную жизнь он духом своим ощущал только настороженность, и агрессивность других людей. Он был несправедлив, потому что чувствовал пока лишь главные эмоции: любовь – от нас, и потенциальную опасность – от прочих. Вот в момент явной угрозы, когда ракета уже летела в нас, а у мамы от стресса начались схватки, он и укрылся вместе с мамулей своей. Спасибо, что меня не забыли. Впрочем, и не могли забыть, потому что Человек Вечный был у нас один на всех.

Мне даже горячей воды приготовить было не в чем, холодную – Леночке попить – в ладонях, черпачком сложенных, из озера носил. Хотя зажигалка в кармане оказалась. Я не курил, но на природе считал необходимым иметь источник огня.

С последними потугами наш долгожданный все же явил себя новому миру и объявил о себе громким ором.

После того, как я искупал сына вместе с собой в озере, он стал похож на человека. Посмотрел на меня внимательно и улыбнулся. Или мне показалось? Желаемое – за действительное?

Но я, отбросив сомнения, улыбнулся в ответ и сказал громко и торжественно, чтобы и Леноша слышала (она как раз внимательно поглядывала в нашу сторону):

– Ну, здравствуй, Владимир! Владей этим миром! – и поцеловал его в попку, а потом в животик.

И поспешил к Леноше.

– Я тоже хочу с ним... в озеро, – попросила она.

– Твоя воля – закон, – провозгласил я закон этого мира, положив ей на грудь сына. Он там сразу очень удобно устроился. Поднял их обоих на руки – это было тяжело, но носимо, и поспешил к воде. На глубине стало легче, совсем легко. И я понял, что в этом мире все новорожденные будут принимать водную купель вместе с матерью и отцом – в озере ли, в море ли, в реке ли – в природном водоеме. И это будет ритуал единения с планетой. И видел, что моя семья совершенно не возражает против такого ритуала.

А где же наш дом?

Попав сюда, мы сразу начали рожать, и озаботиться жилищем времени не было. Благо, что стояла летняя жара, ночью – теплынь. Теперь же я целенаправленно окинул окрестности изучающим хозяйским взглядом. Мы пребывали на том самом острове, что был виден с берега, только выглядел он диким и прекрасным, в отличие от своего изрядно облысевшего далекого потомка (или близнеца?) из другого пространства и времени. На том скал не было – так, отдельные каменюги, а на этом гордо высилась коренастая горушка.

Я вывел своих ближних на берег, Леноша уже вполне бодро шагала сама с ребенком на руках, я только страховал их. Усадил в тенечке на мягкой травке, а сам пошел к горе. Мои поиски быстро увенчались успехом – в нескольких метрах от подножья темнел вход в пещеру. Спасибо, Ветер, хорошо поработал. Впрочем, поднявшись туда, я понял, что и вода постаралась – в глубине бил небольшой родничок, образовавший ванночку примерно двух метров в диаметре. Как по заказу. А может, и, правда, по заказу?..

Ну, вот и дом наш...

А тот – прежний?.. Может же быть у Человека Вечного много домов.
Возможно, он еще вернется в каждый из них?..

Там, где нас с тобою нет,
Мы разумны и бессмертны.
Я – твой свет, и ты – мой свет
В каждом миге разноцветный...